

The background of the entire cover is a deep space image. It features a dense field of stars of various sizes and colors, primarily white and blue. Several bright, multi-pointed star patterns are visible. In the upper right and lower right areas, there are wispy, ethereal nebulae in shades of blue and purple. A prominent, bright star with a large, multi-pointed diffraction pattern is located in the lower left quadrant.

ГАЛИНА АЛЬБЕРТОВНА ДОЛГАЯ

СИЯЮЩАЯ ПЕРЛАМУТРОМ

РАССКАЗЫ

Галина Альбертовна Долгая

Сияющая перламутром. Рассказы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69978895

ISBN 9785006084735

Аннотация

Главной идеей во всех работах автора, независимо от жанра, являются общечеловеческие ценности, взаимоотношения людей, их роль в сохранении гармонии жизни. Легкий слог, динамизм, ненавязчивое приглашение читателя к размышлениям делает произведения автора увлекательными и запоминающимися.

Содержание

Сияющая перламутром	6
Ипостась	18
Призрак дерева	24
Сад	36
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Сияющая перламутром Рассказы

Галина
Альбертовна Долгая

© Галина Альбертовна Долгая, 2023

ISBN 978-5-0060-8473-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пусть мучит жизнь, и день, что прожит,
Отзвучьем горьких дум тревожит,
И душу скорбь коварно гложет;
Взгляни в ночные небеса,
Где пала звездная роса,
Где Млечный Путь, как полоса,
Пролег и свет на свет множит;
Вглядись покорно в чудеса, —
И Вечность нежно уничтожит
В тебе земные голоса,
Бессонной памяти положит
Повязку мрака на глаза;
Застынет, не упав, слеза,

И миг в безбрежном изнеможет!
Целит священная безбрежность
Всю боль, всю алчность, всю мятежность,
Смирив властно безнадежность
Мечтой иного бытия!
Ночь, тайн создания не тая,
Бессчетных звезд лучи струя,
Гласит, что с нами рядом – смежность
Других миров, что там – края,
Где тоже есть любовь и нежность,
И смерть и жизнь, – кто знает, чья?
Что небо – только порубежность
Планетных сфер, даль – колея,
Что сонмы солнц и наше «я»
Влечет в пространстве – Неизбежность!
Валерий Брюсов, «Голос иных миров»

Сияющая перламутром

*Земля, я неземной, но я с тобою скован
На много долгих дней, на бездну быстрых лет.
Зеленый твой простор мечтою облюбован,
Земною красотой я сладко заколдован,
Ты мне позволила, чтоб жил я как поэт.
Константин Бальмонт*

На этот раз торги на аукционе оказались для ЭлERTA счастливыми! Наконец он купил планету в далекой галактике, в двухмерной проекции, напоминающей очертания жителей Асверина. На это желанное приобретение ушли все сбережения, и теперь Элерт мчался во Вселениум с картой свободного доступа к звездным системам галактики MR2, в одном из не самых крупных рукавов которой сияла еще молодая звезда, а вокруг нее медленно плыла по своей орбите его планета.

Элерт давно мечтал иметь свое собственное космическое тело. Такое приобретение сразу повышало статус в обществе. Владелец планеты становился желанным гостем в любом уголке Обитаемого мира, и Элерт уже представлял себе, как он, небрежно играя проекцией светящегося голубого шара, входит в гостиную надменной аристократки Манноны и все взгляды обращены на него...

— Вашу карту, вед! — голос из ниоткуда выдернул его

из мечтаний и, словно мальчишка, пойманный врасплох, Элерт суетливо пошарил в карманах, достал золотую карту с гравировкой кода доступа и вставил ее в прорезь стены.

Время остановилось – ни шороха, ни звука. Даже внутри Элерта все затихло. Но вот, тот же безликий голос произнес:

– Добро пожаловать во Вселениум! Ваша секция номер пять.

Карта выскочила из прорези, стена разъехалась посередине и в полном мраке засветилась дорожка, копирующая фрагмент Вселенной. Элерт вновь ощутил прилив соков и сделал первый шаг. Сияющая субстанция под ним сжалась, померкнув на мгновение. Элерт поспешил сделать следующий шаг. Он быстро освоился и уже без опаски провалиться в тартарары едва не бежал, стремясь воссоединиться со своей планетой ментально, увидеть ее настолько близко, чтобы определить состав ее тела и, наконец, понять, почему никто кроме него не изъявил желания приобрести это чудо, трепещущее нежнейшими красками утра.

Как только SS3 повисла в аквариуме зала, и лицитатор объявил ее стартовую стоимость, участники аукциона потеряли интерес к торгам: зашептались, зашуршали, заерзали на своих местах. Элерт напряженно ожидал первого предложения. Все соки его тела собрались в сгусток и до боли отбивали монотонный ритм; слух настолько обострился, что улавливал даже шмыганье швейцара у входа, но только ни

одного голоса с цифрой.

Лицитатор поднял молоток.

– Раз, два, три...

– Я беру... – решился Элерт.

– Продано! – стук молотка оглушил в полной тишине, которая воцарилась в зале.

Вед поспешил покинуть Аукционим, окрыленный счастливым приобретением, но цепкие взгляды любопытных жалили его даже в затылок.

– Однако! – басовитый тембр с нотками удивления прозвучал слева.

– Хм, он полный профан.

– А-а, может быть...

Что «может быть» Элерт не услышал. Он выбежал, как оглашенный и, сжимая вожаделенную карту всей рукой, уже мчался на встречу со своим приобретением.

Секция номер пять жила невидимой жизнью. Что-то легкое, трепетное ощущалось в едва освещенном пространстве, и даже призывное мигание зеленого огонька у места, предназначенного для посетителя, не нарушало гармонию Вселенной в этом загадочном мире.

Элерт присел на мягкий стул и опустил руку на джойстик. Зеленая лампочка погасла, и перед ведом развернулось пространство галактики MR2. Ускоренное время втянуло в себя обладателя зелено-голубой планеты и понесло его прямо

к ней, да так быстро, что захватило дух, и Элерт поспешил сбавить скорость, дабы не задохнуться. Когда он приблизился к планете на расстояние орбиты ее спутника, то ощутил горячее дыхание звезды с одного бока и космический холод с другого. Элерт завис и расслаблено последовал за спутником, испещренным следами столкновений с астероидами разных размеров, полностью погрузившись в созерцание.

Планета очаровала его! Нежно-голубой цвет ей придавала атмосфера. Сквозь толщу воздуха просвечивали белые пятна облаков, ниже синела гладь воды, угадывались зеленые вкрапления растительности вперемежку с красноватыми гребнями возвышенностей и желтыми разводами равнин.

– Чудо! Какое же чудо мне досталось!.. – Элерт таял от восторга. – Алмаз! Не ограненный, но сияющий естественными гранями, отражающий все оттенки перламутра Вселенной!

Он расплылся, растекся в пространстве, забыв о контроле над собой, и опомнился, только когда пересек явно обозначенную орбиту, по которой беспорядочно планировали страннные космические тела. Что-то вонзилось в него и, почувствовав боль, Элерт собрался и отстранился настолько, чтобы наблюдать. Его острое зрение вычленило среди мчащихся тел круглые формы с антеннами, бесформенные металлические предметы больших и малых размеров – так много всего, что оно, собравшись вместе, образовало плотное кольцо, пробираясь сквозь которое лучи звезды ломались

и, отражаясь от металлических поверхностей, рассыпались на мелкие лучики, которые гасли, не успев достигнуть поверхности планеты.

Металл?.. Элрт задумался. Металл в обработанном виде – это предмет цивилизованного мира. Откуда он здесь? Все разумные сообщества Вселенной следили за местами своего обитания, берегли их, даже жители Асверина не позволили бы себе окружить свою планету кольцом мусора. Космическая свалка? Но откуда?! И, если эта планета обитаема, как можно предположить, то, как она попала на аукцион?.. Обитаемые миры не продавались.

Элрт дождался просвета и скользнул в него. Он опустил-ся до орбиты, по которой скользили не обломки, а целые аппараты, созданные мыслью. Спутники! Они собирают информацию о Вселенной, наблюдают за жизнью на планете! Соки внутри веда вновь сгруппировались в единой точке. Он замер. Планета точно обитаема! Его Алмаз – место жительства разумных существ, которые только шагнули за пределы своего космического дома. Увы, их разум в самом начале развития. И настолько в начале, что они не задумываются об опасности свалки вокруг планеты.

– Паразиты, – беспристрастный голос дал им то определение, которое Элрт не решался произнести.

Паразиты! Страшные существа, созданные в условиях процветающих планет из ее соков и материи. Обретя способность мышления, они направляют свои силы на разрушение.

Они уничтожают свои места обитания, чтобы потом исчезнуть вместе с ними. Во Вселенной известны такие. Их изолируют от разумного мира.

Теперь Элерт понял, почему участники аукциона проигнорировали, казалось бы, чудесный лот. Они знали о паразитах! Прав был обладатель пискливого голоса, обозвавший его полным профаном. Но как этот объект попал на аукцион?

– Это произошло, когда паразитов было еще мало, и никто не думал, что они так опасны. Никто не думал и о том, что они паразиты. Когда это стало очевидно по результатам их действий – уничтожение лесов, загрязнение вод, истребление других видов живых существ, массовые убийства себе подобных, – первый владелец попытался дезинфицировать планету. Эму это почти удалось, но остались несколько индивидуумов, и они снова размножились. В конце концов, ему запретили появляться с планетой в обществе, тогда он и протиснул ее на аукцион.

– Но как?! Тела с паразитами запрещены к продаже...

– Как, как?! Не знаешь, как это бывает? – в интонации невидимого служителя Вселениума послышалось раздражение.

Элерт промолчал.

– Пока твоя планета находилась в запасниках, паразитов стало так много, что теперь жизнь самой планеты висит на волоске.

Мечта Элерта погасла, так и не обретя реального воплощения. Раньше ему не позволялось появляться в изысканных салонах как не имеющему космическое тело. Теперь его и близко не подпустят к гостиним аристократов с планетой, с которой паразиты разве что не падают.

– Ты можешь применить антигравитационную волну, – в задумчивости произнес слугитель.

Элерт помолчал, потом промолвил в раздумье:

– Она уничтожит не только паразитов, но и все, что делает планету излучающей перламутр: воду, растения, непаразитические виды жизни, даже воздух. Все!

Элерт представить себе не мог Алмаз без перламутра. Возбужденный и взволнованный он спустился на поверхность планеты. Он обошел кишящие паразитами клочки земли, покрытые паутиной их жилищ, и остановился у горного кряжа, в скальную стену которого била волна. Не радиационная – настоящая, водная! Густая и тяжелая в большом объеме и светлая и легкая в горсти, она источала необыкновенный аромат свежести. Элерт втянул его в себя. Каждой клеточкой он ощутил глубоководную жизнь; в его фантазии она представилась волнистой радугой, трепещущей под напором водной толщи. Элерт поднял глаза к запорошенным белой субстанцией вершинам. Анализ показал, что это тоже вода, но застывшая при низких температурах. Какие цвета звездного света она отражала!.. Подножия гор зеленели огромным разнообразием растительности. В ней таилась многовидовая

жизнь. В начале своего пути паразиты жили также, со всеми находясь в гармонии. Но пробудившийся в них разум затмила тьма, и они пошли по пути уничтожения себе подобных. Другие формы жизни больше не воспринимались ими как равные.

Элерт насупился. Ему безумно жаль свою планету! Должно быть решение вопроса! И раз так случилось, что Алмаз достался ему и теперь он и только он по закону может решать, как с ним быть, то он найдет выход и с полным правом появится в гостиной Манноны с зелено-голубым алмазом – сияющим и чистым.

– Какой дезинфектор использовал предыдущий владелец?

– Жидкий. Даже не дезинфектор. Он просто переполнил водой местные акватории, и, выйдя из берегов, вода затопила планету.

– Как же сохранились все формы жизни?

– Кто-то предупредил паразитов. Они собрали все виды по экземпляру и схоронились в ковчеге.

– Ясно. И никто это не расследовал?

– Нет. Тогда... – служитель замялся, – были проблемы поважнее, – расплывчато ответил он.

Элерт пропустил последнее мимо ушей и задумался. Для Лиги разумных миров уничтожить вредоносный объект – дело пустячное. Раз – и все! Никто и сожалеть не будет о каком-то там перламутре, играющем всеми цветами радуги. Почему Алмаз все еще жив и плывет по орбите вокруг своей

звезды? По соседству с ним плавают другие планеты – без жизни, но вполне ее достойные. Но жизнь в этой звездной системе обосновалась именно на Алмазе! И паразиты...

Он кое-что понимал в сущностях, обладающих разумом. Он из ведов – существ, которые видят глубже, чем внешняя оболочка. Что таится за физическим телом разумных жителей этой планеты? Хороший вопрос... Элерт погрузился в себя. Что-то, связанное со светом Вселенной. Свет... Память отсчитывала время назад, и вскоре Элерт получил ответ: паразит паразиту рознь! На самом деле не все жители этой планеты – паразиты. Есть среди них и полезные – добрые, светлые, разумные в прямом смысле этого слова. Но как всегда добро молчаливо, а тьма действенна. Она поглощает свет, как черная дыра. Это один из процессов Вселенной! Но потом происходит взрыв – и свет снова вырывается наружу. Этого не избежать! Видимо, Лига ожидает кульминации, и, похоже, она уже близка. Разум – настоящий разум! – должен победить.

Элерт выпрыгнул из прошлого. Теперь ему стало понятно, почему предыдущему владельцу Алмаза не позволили уничтожить жизнь на планете. Но как несправедливо это по отношению к нему! Он вложил в это приобретение все свои средства! Как быть? Снова оставить все как есть? Он не умеет нарушать закон и не хочет. Элерт разозлился. Если с такой планетой нельзя появляться в обществе, то он должен получить за ее приобретение компенсацию! Или изменить закон.

Или – и то, и другое.

– Свяжи меня с Председателем Лиги, – попросил он слушателя Вселениума.

– С председателем не могу – у тебя не тот статус, а с секретарем – пожалуйста.

– У вас есть предложение? – секретарь Лиги не терял время на приветствия.

– Да, есть, – Элерт был уверен в себе, – вы должны изменить мой социальный статус.

– На каком основании?

– Я приобрел планету с паразитами из-за вашего попустительства.

Секретарь слушал и просматривал информацию о последних торгах.

– Вы вправе уничтожить паразитов...

Элерт не дал ему закончить.

– Один уже пытался, но вы помешали.

Соки ЭлERTA собрались и сжались так, что он сам готов был взорваться, как сверхновая.

Секретарь почувствовал угрозу.

– Успокойтесь.

– Я настаиваю на изменении закона! – и не думал успокаиваться вед.

– Хорошо. Я доложу председателю.

Элерт выдохнул напряжение. Теперь он был уверен, что решать проблему с паразитами он будет в союзе с Лигой

разумных миров Вселенной. Ведь его Алмаз полон разума и так прекрасен, что требует особого подхода.

Двенадцатилетний цикл очищения планеты подходил к завершению. Паразиты, напоследок особо огрызаясь и вредя в своем безумстве всему живому, исчезали с Алмаза. Они просто вымирали, как погибает от истощения голодающий. Следуя разработке плана спасения планеты без угрозы уничтожения основных форм жизни, Элэрт провел титаническую работу по идентификации нормальных разумных, отсеивая паразитов. В конце цикла вредители вымерли, не успев уткнуться в черную дыру планету, давшую им жизнь. Алмаз очистился. Специальным законом Лига разумных миров Вселенной изменила социальный статус обладателя планеты, сияющей перламутром. Только обязала его каждые двенадцать лет проводить анализ состояния разума ее жителей.

Элэрт любовался своим сокровищем и с ухмылкой поглядывал на мигающие строки приглашения в салон Манноны. Да! Теперь он желанный гость в любом уголке Вселенной! А его Алмаз так поднялся в цене, что самый престижный Аукционим примет ее с высокой стартовой ценой. Но Элэрт ни за что не продаст свое сокровище! Компенсации, полученной за нечестную сделку, ему хватит на приобретение еще какого-нибудь космического тела. Не ту ли звезду, во-

круг которой продолжает свой путь Сияющая перламутром,
ему купить?.. В юбилейных торгах Аукционима она самый
престижный лот! Конечно, после Алмаза!

Ипостась

*И сказал Ахура-Мазда Спитамиду
Заратуштре:*

*«Ты можешь восславить ради меня, о Спитаמיד
Заратуштра, Её, Ардвисуру Анахиту, Широко
разлившуюся, целительную, Дэвам враждебную,
вере Ахуры преданную, Достойную, чтоб мир
телесный почитал её, Достойную, чтоб мир
телесный восхвалял её...»*

Авеста, Яшт 5, стих 1

«Ардви! Ардви!» – все настойчивей звучало в голове.

Ардви оставила работу и вышла из теплицы. Рядом на скамье сидел огненно-рыжий, бородатый и не по годам веснушчатый мужчина. Несмотря на жару, он кутался в темно-синий плащ, подбитый пурпурным шелком. Митра! Ардви улыбнулась и откинула со лба кокетливый завиток волос.

– Долго идешь! – пробасил Митра и вожаденным взглядом окинул соблазнительную фигуру, крутые изгибы которой не мог скрыть даже мешковатый комбинезон.

Ардви залиvisto рассмеялась.

– На что смотришь, повеса?! Храни меня, Всеблагой! Сколько лет... веков... – она дважды осеклась, но все же пожурела, многозначительно подняв палец к небу. – Тысячелетий! А он все туда же!

– А куда мне?! Ты же богиня плодородия! – парировал Митра, на что улыбка Ардви вдруг растаяла, как снежинка в весеннем воздухе. – Ну, ладно, ладно, извини! – Митра понял свою ошибку. – Ты все равно Она, хоть и ипостась!

Ардви присела на бордюр.

– Ипостась... Все с ног на голову! «Соединилось человечество с Божеством или Божество приняло к себе человечество и учинилось несказанное и страшное единение ипостасное», – процитировала она архиепископа Платона, который триста лет тому назад высказался о непорочном зачатии Марии. Все мы – моя ипостась! Многоликая! Но я есть я! Ты прав. – Помолчали. – Зачем пришел?

Ардви изящно повернула голову, смотря снизу вверх. Огненный луч Митры заблудился во влажной синеве ее глаз, остыл в них, но так и не разжег в сердце огонь страсти.

Тем временем небо за спиной Митры потемнело. Похожие на клубы дыма облака поглотили горизонт, съедая его со всем, что попадалось на пути.

Митра не глядя ткнул туда пальцем.

– Видишь?

Ардви уже не сводила глаз с особо вертявого облака. Оно покрылось фиолетовыми кругами, поглощая свет, и вибрировало, темнея и расширяясь.

– Справишься?

Ардви кивнула. Митра больше не занимал ее внимание. Он махнул плащом и исчез. Ардви встала, расправила плечи,

стянула пестрый платок с головы, выдернула заколку. Иссиня-черные волосы волнами легли на спину. Ветер подхватил несколько прядей и, потерев их, швырнул ей в лицо. Ард-ви только усмехнулась.

– Оадо, ты здесь! – ее голос прозвучал водопадом.

Оадо свистнул, поддерживая богиню.

Черно-фиолетовое облако удивленно остановилось. Грозная богиня, сверкая доспехами, выросла перед ним. Под напором ветра золотая диадема в ее волосах позвякивала десятками подвесок. Кольца змей, сверкающих позолоченной чешуей, обвили ее руки от запястий до плеч. Мерцающие цветом густой крови амальдины в ожерелье соперничали в красоте с лазуритом и бирюзой, оттеняющими нежность ее кожи. Она – воплощение красоты и силы, защитница всего живого на Земле! Она не пропустит зло, не даст остановить процесс зарождения и развития жизни. Ипостась, говорите?! Ипостась – это маска, за которой в каждом перерождении прячется ее истинная суть, то, что она есть на самом деле. Вот она – Богиня жизни, страж всего живого на Земле, охранять которую в ее самой хрупкой составляющей она поставлена на веки вечные!

Оадо закружил вокруг черноты, закрутил ее в сгусток и кинул в руки Ард-ви Суры. Прежде чем она поймала его, тысячи тысяч ее слуг пронзили его шипами. Облако сдулось, но еще вибрировало. Ард-ви подхватила его и, всмотревшись сквозь источающуюся фиолетовую оболочку, увидела сонм

чадящих внутри него огней.

– Не сегодня, Ахриман, не сегодня, – торжествуя, прошептала богиня, и, не дожидаясь ответа, ударила сгустком оземь.

Небо распогодилось. Митра раскинул пурпурный плащ во всю его ширь. Ардви вернулась в человеческую ипостась, собрала волосы в валик, умело скрепила его бронзовой заколкой с навершием в виде головы барса. Оадо подкинул вверх пеструю косынку, улетевшую за грядки с редиской. Ардви поймала ее, кивнула с улыбкой в знак благодарности, повязала на голову и, оправив комбинезон, присела на скамью. Рядом на кусте розы поникли несколько пышных цветов.

– Моя хорошая, – Ардви провела пальчиком по желто-розовым краешкам лепестков, – досталось тебе. – Она забинтовала стебельки, окропила их водой. – Поднимайтесь! Ваше цветение еще в самом разгаре!

Роза качнулась и одарила богиню чудесным ароматом. Ардви грустно вздохнула. Год от года сил в ней остается все меньше. Порой, только благодарность цветов и питает их! Боги живы молитвами! Какую мощь она чувствовала в себе, когда люди посвящали ей храмы, окропляли алтари священной хаомой, когда разжигали у ее ног негасимый огонь – дар Ахурамазды! А потом появились ипостаси, из которых люди все еще молятся разве что Марии. Люди изменили суть вещей! Они изменились сами и изменили весь трехмер-

ный мир: себя вознесли до богов, демонов боготворят, а изначальных богов отправили в анналы истории. Кто сегодня помнит ее имя?! Только тот, кто читает старые книги! А таких все меньше и меньше.

Ардви досидела до появления на небе своей звезды и удалилась в покои. День выдался нелегкий! Засыпая, она почувствовала прилив сил: в соседнем доме молодая женщина читала пятый яшт Авесты и, сознательно ли, или просто читая с выражением, молила Ардвисуру Анахиту о женском счастье:

Молюсь ей ради счастья
Я громкою молитвой,
Благопристойной жертвой
Почту я Ардви-Суру.
Пуškai к тебе вызывают
И почитают больше,
Благая Ардви-Сура,
И хаомой молочной,
И прутьями барсмана,
Искусными речами,
И мыслью, и делами,
И сказанными верно
Правдивыми словами.
«Молитвы тем приносим;
Кому призвал молиться
Ахура-Мазда благом».

– Аминь! – улыбаясь, благословила богиня и на всю ночь улетела всей своей сущностью в синие просторы бывшего божественного мира, где у моря Ворукаша, отдыхая от трудов праведных, уже ожидали ее и огненно-рыжий Митра, и ветреный Оадо, и Всеблагой Ахура-Мазда, восседающий на троне на горе Хара.

Призрак дерева

*В пониманье загадки древней
Смысла жизни, ее глубин,
Больше всех повезло деревьям:
Мудрым кленам, кустам рябин...
Ни пронырливый зверь, ни птица,
Ни заносчивый род людской
Даже в малости не сравнится
С той раздумчивостью лесной.
Чтоб постичь разговор созвездий.
Шепот ветра, вселенский гул.
Надо строго застыть на месте.
Как торжественный караул:
Никаких вольготных мечтаний!
Никакой пустой суеты! —
Только шорох незримых тканей!
Только вечный блеск красоты!..
Игорь Кобзев*

Это может показаться невероятным, но я помню, как росток пробивался к свету. Напитанная влагой мякоть внутри ореха разбухла так, что створки скорлупы не выдержали и лопнули и тогда меж двух полушарий проклюнулся росток. Тайным знанием своего рода он знал, где свет, и настойчиво пробивался к нему. Земля питала его соками, и с каждым мгновением жизни он становился все сильнее и все упорней стремился ввысь — туда, где горячие солнечные лучи пробую-

дят почки, где ветер приласкает первые его листья.

Мои легкие раскрылись вместе с первыми листьями ростка, и я закричала.

Никто из людей не помнит себя в младенчестве. Так устроена память, хотя, говорят, в ней хранится вся информация о человечестве с его самых первых шагов по планете. Возможно, и вся жизнь человека, начиная с первого вдоха, записана в закоулках памяти, но, видимо, Создатель решил, что ни к чему человеку помнить шок рождения, первые этапы осознания себя, и спрятал те мегабайты информации в дремлющих нейронах. И только яркое эмоциональное воздействие некоего события, произошедшего в самом раннем возрасте, может стать доступным по жизни.

Я помню ту грозу: дождь потоком с небес, сумасшедший ветер. Шапка листьев напилалась влагой настолько, что я, не в силах удерживать ее, склонилась к земле. Порыв ветра – и хруст... Силы оставили меня.

Врачи суетились – капельницы сменяли одна другую, но они не могли убить инфекцию, из-за которой мой организм обезвоживался.

– Мы не в силах спасти ее, – молодой врач опустил глаза. Мама схватила его за плечи и вглядывалась в его лицо

так, словно где-то в самих его чертах пряталась надежда на жизнь, нужно только найти ее и прочитать. Но врач отстранился, прошептал: «Держитесь», и ноги мамы подкосились.

Ветер стих. Ненастье ушло. У ручья, где я понуро доживала считанные дни, появился осел с седоком. Последний дремал, покачиваясь в такт шагов осла, но, как только упрямец встал, как вкопанный, вздрогнул и открыл глаза. Осел потянулся губами к моим поникшим листьям.

– Кхх, кхх, – старик пнул его пятками в брюхо; осел отошел на пару шагов, искоса поглядывая на меня. – Эхе-хе, что ж так склонилась, а? Поломалась?! – старик недовольно цыкнул, слез с осла, пошарил за пазухой и, выудив какую-то тесемку, поднял меня, приложил к слову палку и забинтовал. – Давай, живи! – он старчески улыбнулся в прищуре.

И я ожила!

Несмотря на приговор, бабушка забрала меня к себе. Она два месяца отпаивала меня отваром из маковых коробочек.

И я выжила!

О своей болезни в младенчестве я знаю от мамы. А страх от сломанного стволика, означающий конец моей недавно начавшейся жизни, помню и вижу будто воочию. Вижу не со стороны, как увидел сломанную орешину старик

на осле, а вижу глазами орешины. Я помню как с надеждой и опаской поглядывала на повязку – лишь бы не упала, лишь бы продержалась! – как клейкий сок, сочившийся из раны, застывал на зеленой коре, как я тужилась, чтобы сорвать ставшую ненужной повязку. Но снова приехал старик и, порадовавшись моему исцелению, снял ее.

– Орешина! – громкий оклик преподавателя ворвался в мои воспоминания как неожиданный порыв ветра в штиль. Я вскочила и вытянулась по струнке. – Опять витаешь где-то в облаках. А мы тут задачи решаем! Садись.

– Простите, – проямлила я; села и, вытянув шею, как гусыня, заглянула в тетрадь подруги.

Столбики цифр, формулы расчета вероятности некоего события... А есть ли хоть какая-то вероятность реальности событий, которые вижу я, витая где-то? Спросить? Педагог у нас классная! Кажется, все понимает. Но... одно дело – витать, другое – ощущать себя деревом. Посоветует обратиться к психиатру.

Прозвенел звонок. Мы с подругой вышли из здания института, и я окунулась в другую жизнь. Весна завершала свои дела: деревья стояли зеленые; птицы суетились у гнезд; река несла талые воды к полям; пестрые цветочные клумбы радовали глаз. Я закрыла глаза и потянула в себя теплый воздух, напоенный ароматом цветущих акаций.

– Какое блаженство!

Намереваясь лихо пролететь сквозь всю крону, молодой ветерок запутался в листьях. Я потрепала его, перекидывая с ветки на ветку, и обескураженного выпустила на волю. Стайка скворцов поднялась вслед за ним. Летите, летите! Гнезд в моих ветвях не вьете, только скандалите. Ворон неодобрительно каркнул, переступил с ноги на ногу, но не улетел. Он любил посидеть на моих ветвях, покачаться...

Подруга искоса взглянула на меня. Она жила на земле, поднимаясь над ней разве что на руках очередного вздыха-теля, и то, неизменно требуя, чтобы ее вернули в привычное состояние.

– Не понимаю я тебя, – ее признание было искренним, – в чем блаженство?

Смущенно улыбаясь, я пожала плечами.

– Просто хорошо.

Подруга поджала губы, кивнула. Я заметила грусть в выражении ее лица. Ах, да! Ее снова бросили.

– Не расстраивайся. Он не твой мужчина, – я хотела сказать, что этот парень не для нее, что они не подходят друг другу.

– А чей? – она вскинулась.

– Я не знаю, просто, вы не пара, – я ухватила подругу за руку, – не обижайся, ты обязательно встретишь того, с кем... –

я подыскивала нужные слова, но подруга закончила фразу сама:

— ... и в шалаше будет рай, да? Как у вас? — она кивнула на мужскую фигуру, маячившую между стволами тополей. Ирония в ее голосе выдавала обиду.

Вряд ли сейчас я могла изменить ее настроение. Мы попрощались, и я побежала к тополям.

Роман с ветром — это круче всего, что может случиться в жизни. Как он кружит голову! Какие признания шепчет в ночи, какими ароматами окатывает всю меня от верхушки до ствола! Его прикосновения то нежны, то страстны. Он провожает меня ко сну и всю зиму кружит вокруг; кружит, напевая колыбельные. Он ожидает моего пробуждения, и вместе мы радуемся первым моим листочкам, первым соцветиям, пыльцу которых он сдувает так легко, что мурашки пробегают по коре.

Романы остаются в памяти восторженными чувствами, щемящими в сердце ожиданиями встреч, волнениями от случайных прикосновений и поцелуев. Потом приходит пора испытаний, когда быт только и норовит погасить любовь, когда дети переворачивают жизнь с ног на голову, когда взвешенность поступков приходит на смену азарту молодости. Но пройдя огонь и воду, вместе мы обретаем уверенность. Ведь теперь мы стоим на земле четырьмя ногами!

Мы с мужем преодолели все трудности. Так казалось. Но судьба посылает испытания, когда их не ждешь.

Стук в дверь. Открываю. На пороге моя студенческая подруга. Мы давно не виделись, изредка перезванивались.

– Как ты здесь? Что случилось? – я растерялась, разглядев припухшие от слез глаза.

– Он выгнал меня, – она всхлипнула. – Мне некуда идти.

– Заходи, – я пригласила ее к себе.

Долгие разговоры о неудачах в жизни, о пустоте, о безденежье.

– Как жить теперь? Что мне делать?

Вопросы подруги ставили в тупик. Хотелось утешить ее, чем-то помочь. Она осталась у меня, вернее – у нас. День, два, неделю, вторую... Я стала замечать, что подруга, оправившись от горя, начала заигрывать с моим мужем. Ревность поселилась в моем сердце; она разрушала мою любовь. Мы с мужем стали отдаляться друг от друга, перестали балагурить, смеяться над пустяками. Дети и те сникли. Семья разваливалась на глазах.

– Все, я так больше не могу! – я наконец решилась на разговор. – Что происходит? – на мой прямой вопрос муж опустил глаза. – Что? Она тебе вскружила голову?

– Ты сама ее впустила в наш дом, – ответ чуть не убил меня.

– Но... – что «но» я и сама не знала. Ей негде жить? Но до каких пор? У нее нет средств к существованию? А мы

при чем? Обида захлестнула меня. — Уходи, — одно слово, и больше в сердцах я не могла сказать ничего.

— Ты не тому человеку это говоришь, — муж не обиделся. Он все расставил по своим местам. — Ты должна сказать это ей.

— Но... вы...

— Нет никаких «вы», есть «она». И ты. Я как мужчина не могу выгнать ее на улицу. А ты должна.

Подруга уходила не со слезами, чего я опасалась, а с оскорблениями. Я поверить не могла, что такое возможно. Вместо слов благодарности — упреки, угрозы, шипение. После всего осталось горькое послевкусие.

Детьми они каждый день прибегали под мои тенистые ветки; играли в камушки или строили домики из земли, украшали их травинками и цветами, собирали орехи, плели букеты из трав. Потом их встречи стали реже. Он придет первым, сядет рядом, облокотится о ствол. Я до сих пор помню бие-ние его сердца! Как только услышит легкие шаги на тропинке, вскочит, вглядывается, а увидев ее, побежит навстречу. Я любовалась их горящими глазами, стала свидетелем первого поцелуя, закрывала ветками от чужого взгляда. И тот памятный день, когда он ждал ее до первой звезды в небе, черным пятном отпечатался в моей душе.

— Я больше не приду, я не могу больше, — отстраняясь от него, сказала она и, отступив на шаг, глухо произнесла: —

Меня сосватали...

Ее руки бессильно повисли вдоль тела, голова опустилась на грудь. Две косы скатились к щекам.

– Нет, любимая, нет, – он сделал шаг, взял ее ладони в свои. – Я пришлю сватов, я...

– Поздно... все уже решено...

Она смотрела на него, не сводя глаз, из которых капля за каплей на землю падали слезы. Он не удержался, обнял, прижал к груди, и, казалось, она растворилась в нем, спряталась от невзгод, как за надежной стеной. Но нет, чуда не случилось. Она отпрянула, качая головой, и, зажав рот рукой, убежала.

С тех пор он приходил один. Я старалась утешить его, как могла: шептала ласковые слова, шелестя листьями, дарила орехи, прогнала ворона, которого ни к месту одолело красноречие. «Кар, кар, кар». Ворон ли накаркал, я ли сделала что-то не то, но тот, кто раньше любовался мной, гладил мой ствол, восхищаясь красотой и величием, достал нож и вонзил его в мое тело. Я поверить не могла, что такое возможно. Он резал и резал меня, отрывал полоски коры, ковырял ножом в ране и резал снова. Я стонала от боли, но он не слышал. Закончив пытку, он ушел. Навсегда. Шрам тоже остался навсегда.

Дерево, как и род человека, сильно корнями. Чем глубже корни, тем крепче род. Переплетение корней невидимой

сетью духовных связей поддерживает каждого причастного к ней. Орешина не дает ростков от корней. Ее не окружают потомки; она одинока в своем наземном созерцании. Но память корней не дает забыть ни предков, ни потомков. Ветер, старый ворон или сороки разносят плоды орешины по всей округе. Где-то да прорастет семя, где-то да проклюнется росток, и новая орешина поднимет ввысь свои ветви! Она даст знать о себе голосом окрепшего корня, и ответит род новыми связями, и примет в свою семью новую жизнь.

Мои дети выросли и разъехались по миру. Пришло время – и я узнала, что такое одиночество. Только семейные фотографии, рисунки детей, подарки мужа воскрешали в памяти счастливые события моей жизни. Я рассматривала их, подолгу держала в руках, пытаясь хоть на мгновение ощутить реальность былого, услышать смех ребенка, почувствовать тепло прикосновения. Это сущие муки – терзания прошлым! Тем прошлым, которое было наяву, которое сама создавала. Потускневшие от времени фото далеких предков не беспокоят так. Они наводят на размышления, подталкивают к поиску родственных связей, но не ложатся на сердце горечью грусти. Я знаю, что у моих детей все хорошо. Род наш продолжается, растут внуки. Я больше не буду беспокоиться о потомках. Я ощутила непреодолимое желание познать свои истоки, окунуться в далекое прошлое, о котором мне нашептывают корни...

Прозрачный свет ранней осени льется сквозь густую крону. Теплый ветерок играет с листьями, легко поддевая их, вертясь волчком вокруг и внезапно отпуская.

Я жмурюсь от солнца, когда его блики попадают на глаза, улыбаюсь приветливости ветра.

– Здравствуй, родная! – я хлопаю ладонью по стволу, прикасаюсь лбом к его шершавой поверхности.

– Здравствуй! – слышу в ответ глубокий голос, перекрываемый шелестом листьев. – Ты пришла!

– Пришла...

Я люблюсь пышной красотой дерева, жизнь которого идет параллельно с моей.

– Как так получается, что ты и я росли вместе? Будто рядом прожили свои годы, – не перестаю удивляться я. – Ведь ты раз в десять старше меня!

– Это по твоему времяисчислению, – отвечает она, – у тебя оно свое, у меня – свое. Но мы всегда рядом и так и будет!

Я обняла ее; прижалась всем телом, так крепко, как могла! Мое сердце молоточком стучит по ее коре, его мелодия проникает глубже, опускается к корням и расходится по ним по всем сторонам света. Ее слышат наши дети, наши внуки. Мы – один род, мы одно проявление жизни в ее бесконечности!

За спиной раздалось «Кхх, кхх». Я обернулась. Мимо едет старик на осле. Он вне времени. Таким он был и сотни лет

назад: тот же халат, та же чалма, те же калоши. И осел такой же. Что в нем может измениться?!

Я махнула ему рукой. Орешина качнула ветвью. Старик хитро улыбнулся и прижал руку к сердцу. Осел было встал, потянулся мягкими губами к зеленому кустику у тропы, но пятки старика привычно пнули его в брюхо, и мы продолжили путь...

Сад

*Мой тихий сад в луне серебрян,
А в солнце ярко золочен.
Войди в него, душой одобрен,
И сердцем светел и смягчен.
Игорь Северянин*

Открыть заветную дверь и вдохнуть пряный воздух сада – это было все, о чем мечтала Инна, возвращаясь домой. За спиной, где-то там вдалеке, оставались напряженные часы трудового дня, вечно чем-то озадаченные сотрудники офиса, ком чувств, которые невозможно выплеснуть, непреложно соблюдая этику общения, как заповедь. И вот ладонь легла на латунную ручку. Нажим, щелчок – дверь распахнута, море тишины и покоя накатывает волной, обволакивает, снимая, как пластиковую упаковку, тревоги и тяжелые думы, втягивает внутрь, где солнечные зайчики резвятся на разлапистых листьях виноградской лозы, а амарантовая роза подрагивает лепестками, играя с алмазными каплями воды.

Два шага и Инна опускается в плетеное кресло. Закрывает глаза, втянуть в себя сонм ароматов, расслабиться, не считая минут, и все: сердце освободилось от напряжения, радость наполняет все его клеточки, в голове приятная отрешенность и наслаждение.

Потом можно встать, принять душ, укутаться в мягкий

махровый халат, наполнить бокал травяным чаем и снова вернуться в сад. А пока – отдых! Сквозь прикрытые веки ощущается прикосновение солнечного луча. В конце дня он ласков! Тепло согревает уставшие глаза, радужные шарики бегают перед внутренним взором, веселя и напоминая о какой-то прошлой жизни, которая иногда снится.

Инна глубоко и с наслаждением вздохнула. Чуткое обоняние уловило аромат базилика. Там он! Раскинул фиолетовые листья, соперничая с яркой зеленью Melissa и словно напудренной мятой.

Но солнце быстро погасло. Инна открыла глаза. Сумерки устроили прятки между блекнущим светом и темнеющими с каждой минутой теньями. Нагромождение коробок разноразмерных домов вокруг рано скрывает солнечный свет, и Инна включает искусственный. Цветы благодарны! Весь год они словно соревнуются в красоте, сменяя друг друга и наполняя сад мечтами. Инна фантазирует будущую жизнь, представляет цветущий мир вокруг таким, как ее сад – ярким и нежным, благоухающим и прекрасным.

Сквозь грезы Инна услышала легкое шевеление розового куста. Лист скинул потухшую каплю, и роза замерла, словно ожидая ответа. Инна прикоснулась пальчиком к атласу лепестков, погладила их и включила фонтанчики, распыляющие струю воды в мельчайшие брызги. Воздух в саду наполнился влагой, в которой едва улавливался терпкий аромат земли – настолько редкий, что он ценился не меньше цве-

точного.

Отдохнув, Инна прошлась по саду, проверила каждый стебелек, срезала уснувшие цветы, пожухлые листья, отметила, где нужно что-то пересадить или просто взрыхлить землю и, улыбнувшись ночным красавицам, призывно раскрывшим скромные, но яркие цветы, ушла спать.

Луговой букет освежал спальню белизной лепестков ромашек, синью кудрявых васильков, солнечной яркостью лютиков. Читая перед сном легкий роман о любви в далеком прошлом, Инна нет-нет отрывалась от страниц с вязью букв и поглядывала на букет в вазе. Неприхотливая красота цветов напоминала о том, что скромность не меньший дар, чем пышность. Цветы словно шептали ей, что и ее любовь где-то рядом, что нежность и естественность, которыми она обладает едва ли не одна на тысячу, обретут ценителя, и счастье случится!

Инна заснула с благодарностью и надеждой. Ей приснились поля созревших одуванчиков с репродукции картины художника прошлого. Она шла, осторожно ступая между стебельками с полупрозрачными шариками и держа кого-то незримого за руку. Зонтики одуванчиков взлетали в воздух и шептали ей: «Вставай, красавица, вставай!» Инна не могла понять, чего они хотят от нее, оглядывалась в поисках ответа, но бархатные голоса звучали все настойчивей, и она... проснулась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.